

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

LXV

**ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ
ПИНХУА ПО ИСТОРИИ
ПЯТИ ДИНАСТИЙ**

(СИНЬ БЯНЬ У-ДАЙ ШИ ПИНХУА)

**ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО,
ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТАРИЙ
Л.К. ПАВЛОВСКОЙ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА • 1984

ББК 84.3(0)4(5Кит)

3-28

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимущкин, А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), *И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс* (зам. председателя), *В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, П. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (председатель), *Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темкин* (отв. секретарь), *С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян*

Ответственный редактор
Л. Н. Меньшиков

Заново составленное пинхуа по истории Пяти ди-настий. Пер. с кит., исслед. и коммент. Л. К. Павловской. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

447 с.

Впервые издаваемый в русском переводе народный исторический роман XIII в.—образец одного из жанров китайской простонародной повествовательной литературы. Перевод сопровождается исследованием и комментариями.

3 4703000000 210
013(02)-84

117-84

ББК 84 3(0)4(5Кит)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

Полный список книг, изданных в сериях «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» в 1959—1976 гг., опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий 1959—1976» (М., 1977).

ОЧЕРЕДНЫЕ ИЗДАНИЯ СЕРИЙ,
ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ С 1977 г.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА.
ПЕРЕВОДЫ»

- IV. Абд ар-Рахман ал-Джабарт. Египет в капул экспедиции Бонапарта (1776—1798). Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг. М., 1978.
- VI, 2. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1978.
- VI, 3. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарий. Вып. 3. Земли Закавказья. М., 1983.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- II, 3. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X—XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова. М., 1980.
- VII, XXXII, 3. Сыма Цзянь. Исторические записки («Ши цзя»). Том III. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Р. В. Вяткина. М., 1984.
- XXXV. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидаль го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М., 1979.
- XXXVIII. Лес категорий. Неизвестная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, предисловие и комментарий К. Б. Репинг. М., 1983.
- XLI. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах (Хокуса моияку). Перевод с японского, комментарий и приложения В. М. Константинова. М., 1978.
- XLVII. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа улум ад-дин). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980.

- XLIX. Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кенинг. М., 1979.
- LII. Бухарский вақф XIII века. Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович. М., 1979.
- LIV. Мирза Бади-диван. Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания А. Б. Вильдановой. М., 1981.
- LV. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Шзы бу юй). Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. М., 1977.
- LVI. Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой. М., 1979.
- LVII. 1. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. Факсимиле. Издание текстов, перевод с китайского, исследование и приложения Л. И. Чугуевского. М., 1983.
- LVIII. Хунмиш чоным («Наставление народу о правильном произношении»). Исследование, перевод с ханмуна, примечания и приложения Л. Р. Концевича. М., 1979.
- LIX. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Перевод с вьетняна, вступительная статья и комментарий А. Б. Полякова. М., 1980.
- LX. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди («Чондимонгол»). Перевод с бенгальского, вступительная статья, комментарий и указатели И. А. Товстых. М., 1980.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Том 1. Факсимиле рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1984.
- LXII. Альфонсо. Мейашпер акоб («Выпрямляющий кривое»). Факсимиле рукописи Британского музея. Издание текста, перевод с древнееврейского, введение и глоссарий Г. М. Глускиной. Комментарий Г. М. Глускиной, Б. А. Розенфельда и С. Я. Лурье. М., 1983.
- LXIII. Абу-л-Касим Халаф ибн Аббас аз-Захрави. Трактат о хирургии и инструментах. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с арабского, предисловие, примечания и указатели З. М. Буниатова. М., 1983.
- LXIV. Вияньзонь по Лотосовой сутре. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Л. Н. Меньшикова. М., 1984.
- LXVI. Мухаммад Риза Барнабади. Тазкире («Памятные записки»). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Н. Н. Туманович. М., 1984.
- LXVII. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Перевод с арабского, предисловие и примечания И. Б. Михайловой. М., 1933.
- LXVIII. Хишам ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам). Перевод с арабского, предисловие и примечания В. В. Полосина. М., 1984.
- LXIX. Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника (История курдского княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Е. И. Васильевой. М., 1983.
- LXX. Ямато моногатари (Повесть о Ямато). Перевод с японского, исследование и примечания Л. М. Ермаковой. М., 1982.
- LXXI. Цаньян Джамо. Песни, приятные для слуха. Издание текста, перевод с тибетского, исследование, комментарий и приложения Л. С. Савицкого. М., 1983.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- XXXII. 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина.
- LXXII. Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Издание текстов, перевод, предисловие и примечания Ж. С. Мусаэлян.
- LXXIII. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. Издание текстов, перевод, комментарий и введение Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятовской.
- LXXIV. Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хаданк ас-сихр фи дакаиш аш-шир). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой.
- LXXV. Мухаммад ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастан. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-л-нихал). Часть 1. Ислам. Перевод с арабского, введение и комментарий С. М. Прозорова.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. К. Павловская. <i>Пинхуа</i> — народный исторический роман	9
Введение	9
Глава первая	24
Проблема исторических источников и приемы использования их в <i>пинхуа</i>	24
О датировке памятника	35
Официальные документы в тексте <i>пинхуа</i>	45
Глава вторая	60
Особенности композиции и приемы изложения истории	60
Время и элементы устного сказительского искусства	77
Об истолковании исторических фактов	86
Заключение	93
О переводе	94
Заново составленное <i>пинхуа</i> по истории Пяти династий	95
<i>Пинхуа</i> по истории династии Лян	96
<i>Пинхуа</i> по истории династии Тан	129
<i>Пинхуа</i> по истории династии Цзинь	199
<i>Пинхуа</i> по истории династии Хань	254
<i>Пинхуа</i> по истории династии Чжоу	275
Комментарий	355
Приложения	381
Библиография	383
Список иероглифов, встречающихся в тексте	389
Таблица разночтений текстов «Всеобщего зеркала»	390
Указатель имен	395
Указатель географических названий	420
Перечень названий чинов, должностей, титулов и государственных учреждений, упоминаемых в тексте	432
Summary	444

ПИНХУА — НАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВВЕДЕНИЕ

В 1901 г. китайский коллекционер Цао Юаньчжун пошел в одной из книжных лавок г. Ханчжоу ксилограф утерянного и забытого произведения. Это было *Синь бянь у-дай ши пинхуа* — «Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий» (далее — УДПХ). В 1911 г. ксилограф впервые был опубликован. Его издал факсимиле друг Цао Юаньчжуна Дун Кан (господин Дун из Уцзиня — *Уцзинь Дун ши Сунфэнь ши инкань, Цин Сюань-гун синь-хай*) с небольшим послесловием Цао Юаньчжуна.

В 1925 г. издательство «Шаньгу иньшугуань» выпустило в Шанхае новое издание этого произведения, в котором текст был размечен современной пунктуацией¹. Наконец, в 1954 г. появилось еще одно воспроизведение УДПХ — книгу выпустило шанхайское издательство «Гудянь вэньсюе». В основу последнего легло издание Дуна, выверенное и значительно исправленное. Вышедшие из употребления сокращения заменены в нем полными вариантами иероглифов, унифицированы имена и географические названия, простонародные написания иероглифов заменены их литературными вариантами, текст разделен на абзацы и размечен современной пунктуацией. Кроме того, в текст были введены обозначения дефектных иероглифов (пустой квадрат), восстановить которые не представлялось возможным. Как правило, количество квадратов соответствовало числу поврежденных иероглифов. В том случае, когда дефектные написания подсчитать точно оказывалось невозможно, указывалось, что в тексте пропуск (*юань цюе*).

Последнее издание воспроизводилось дважды — в 1954 и 1955 гг. При второй перепечатке, как выясняется из сравнения текстов, была внесена небольшая дополнительная правка; так, например, был восстановлен иероглиф 魏 *вэй* вместо

¹ Оба эти издания в библиотеках Советского Союза отыскать не удалось.

[1] *куй*, употреблявшегося в именах и географических названиях издания 1954 г. ¹.

УДПХ представляет собой сравнительно большое по объему произведение, состоящее из пяти частей, излагающих соответственно историю пяти династий: Лян, Тан, Цзинь, Хань и Чжоу. Все части состоят из двух глав (*цзюани*). Произведение сохранилось не полностью: отсутствуют вторые главы (*цзюани*) в первой (Лян) и четвертой (Хань) частях, нет начала третьей (Цзинь) части, отсутствует конец пятой (Чжоу). Каждой части предшествовало оглавление; в первой части оно не сохранилось, а от оглавления к *цзюани* 1 третьей части остались лишь названия трех последних эпизодов повествования.

Эпоха Сун (960—1279) известна как время расцвета различных видов народного искусства. Одним из популярнейших видов его было искусство народных рассказчиков — *шошудов*. По тематике повествовавший рассказчик делился на несколько категорий. Источники того периода по-разному называют эти категории, указывают их разное количество ², однако все неизменно выделяют *цзян ши* — «рассказывание истории» как один из самых популярных и распространенных видов устного повествования. В сунских источниках называются имена наиболее известных исполнителей и интерпретаторов исторической тематики, говорится об их специализации на отдельных сюжетах. Так, Мэнь Юаньлао в составленном им в начале XII в. описании Кайфэна сообщает, что рассказчик Инь Чапмай рассказывал только историю Пяти династий, другие рассказывали о периоде Трех царств ³ и т. д. У Цзыму в описании Ханчжоу конца XIII в. не только перечисляет тематику рассказчиков истории, но и называет конкретное сочинение, пересказываемое рассказчиками, — *Тун цзянь* ⁴, т. е. «Всеобщее зеркало, в управлении помогающее», составленное Сыма Гуаном (далее — «Всеобщее зеркало»).

Из этих же и других источников мы узнаем, что рассказчиками были как мужчины, так и женщины, люди здоровые и калеки (слепцы), одни неграмотные, другие, наоборот, выделялись начитанностью, великолепным знанием истории, отличной памятью, хорошим стилем изложения ⁵. Все они за доступную плату

¹ По техническим причинам часть иероглифов, встречающихся в издании, вынесена в список, помещенный в приложении. На них даются цифровые отсылки.

² Следует отметить, что, несмотря на проделанную издательством, несомненно, большую работу, в тексте сохранились ошибки и опiski; они встречаются в написании отдельных иероглифов, имен и географических названий. Все эти случаи мы старались оговорить в комментарии.

³ Подробнее об этом см.: А. Н. Желоховцев. Школы сунского сказа; он же. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая, с. 51—55.

⁴ Мэнь Юаньлао. Записи воспоминаний о Восточной столице, с. 30.

⁵ У Цзыму. Записи снов о просе, с. 313.

⁶ У Цзыму. Записи; W. L. Idema. Storytelling and the Short Story in China, с. 4—12; он же. Some Remarks, с. 128—132.

рассказывали своим слушателям известные им сюжеты. Искусство рассказчиков было искусством народным, процветавшим на рынках и площадях больших городов средневекового Китая ⁷.

УДПХ — единственное сохранившееся до наших дней повествовательное произведение на сюжет Пяти династий, в котором письменно зафиксирована попытка изложить историю последних десятилетий IX (конец правления Тан) и первой половины X в. (период Пяти династий) в традициях произведений простонародной литературы. Это, по-видимому, запись одного из вариантов исторических повествований сунской эпохи. Автор его неизвестен.

Вопрос об авторах произведений народной литературы (*хуабэнь*, *пинхуа*) весьма сложен и пока еще не изучен, хотя некоторые попытки этого рода исследователями предпринимаются ⁸. Кто были авторы *пинхуа* — сами рассказчики или тексты для них писались кем-то, являются ли *пинхуа* результатом индивидуального творчества или дошедшие до нас тексты представляют собой компиляцию и редакцию разных вариантов повествований, — неизвестно. Что касается УДПХ, то, не ставя своей целью исследовать данный вопрос, можно высказать предположение, что оно принадлежит одному автору, ибо все произведение имеет единую, весьма четкую композицию, единые принципы изложения исторического материала, обращает на себя внимание единообразие языка и стиля ⁹. Написано оно, видимо, человеком образованным, хорошо знавшим и историю Пяти династий, и историю Китая вообще.

Во всех частях УДПХ четко выделяется два пласта повествования — собственно историческое (пересказ истории) и авторское (с использованием фольклорных материалов); соответственно и в языке наблюдается два слоя: литературный язык — *вэньянь* там, где излагается собственно история, и разговорный — *байхуа* в авторских частях, повествующих о детстве и юности героев. В основе своей это произведение прозаическое, однако повествование постоянно перемежается стихотворными вставками, которых насчитывается свыше пятидесяти (стихотворения разных поэтических жанров целиком или в отрывках). Авторы трех из них в тексте названы (Не Ичжун, Шао Юн, Ду Фу), остальные не указаны. Не пытаясь специально исследовать вопрос о том, кому принадлежат стихи, включенные в *пинхуа*, нам удалось установить, что здесь цитируются такие знаменитые поэты, как Ван

⁷ Подробнее об устных повествованиях сунской эпохи см., например: Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае, с. 50—56.

⁸ См., например: А. Н. Желоховцев. Хуабэнь, с. 90—92; W. L. Idema. Some Remarks, с. 146—149.

⁹ Аналогичную точку зрения высказывал, например, Тань Чжэнби (История развития китайской художественной прозы, с. 277); М. В. Софронов (Об источнике и времени составления *Синь бянь удай ши пинхуа*, с. 146), наоборот, говорит о «составителях» УДПХ.

Вэй, Пи Жисю, Бо Цзюйи, Ли Бо, Ли Хэ, лянский У-ди и также Ду Фу.

Начало изучению УДПХ положило упомянутое выше послесловие Цао Юаньчжуна. В этой очень скромной по объему заметке автор сумел поставить два важных вопроса: о характере памятника и времени его создания. По мнению автора, УДПХ следует отнести к популярной в эпоху Сун категории рассказывания истории — *цзянши*, о которой говорилось в сочинении У Цзыму «Записи слов о просе». Рассказчики истории¹⁰ рассказывают «Всеобщее зеркало», события эпох Хань и Тан, а также биографии замечательных людей; рассказывают они о рождении и гибели государств, о сражениях и войнах». Как считал Цао Юаньчжун, произведение это появилось в период «перехода на юг», т. е. в то время, когда столица сунского Китая была перенесена из Кайфэна в Ханчжоу (1127 г.) и в стране установилось правление династии Южная Сун (1127–1279).

Изданное Дуи Каном сочинение не сразу привлекло серьезное внимание ученых, однако о нем стали, как правило, упоминать в общих курсах истории литературы. Первым обратил на него внимание Лу Синь, который в 1923 г., несколько уточняя определение, данное Цао Юаньчжуном, отнес УДПХ к той категории произведений на историческую тематику, где рассказывалась «История Пяти династий», о которой упоминает Мэн Юаньлао. Он указал также на характерное для этого сочинения сочетание собственно исторического повествования с многочисленными стихотворными вставками и авторскими отступлениями (нередко, как мы увидим, дидактического характера) и на широкое использование фольклорных мотивов; отметил Лу Синь и идею предопределенности, пронизывающую повествование и заложенную уже во вступительном стихотворении¹¹.

Чжэн Чжэнью (1932 г.) подчеркивал, что в изложении главных событий автор УДПХ следует официальной истории (*чжэнши* — имеется в виду «История Пяти династий»); он особо отметил достоинства языка и стиля произведения; сомневаясь в сунском происхождении сочинения, Чжэн Чжэнью высказал предположение, что УДПХ могло быть напечатано при династии Юань (1280–1367)¹².

Чэнь Жухэн (1936 г.) выделял ценность фольклорных частей произведения, которые дают представление о легендах и преданиях, бытовавших в Китае в период создания УДПХ; при опре-

¹⁰ В цитате, приведенной Цао Юаньчжуном, сказано: *цзян шицжэ* «рассказчики истории» (УДПХ, 1955, с. 249), в то время как в «Записях» сказано: *цзян ши шучжэ* «рассказчики исторических книг» (У Цзыму. Записи, с. 313).

¹¹ Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной прозы, с. 116–121.

¹² Чжэн Чжэнью. Иллюстрированная история китайской литературы, с. 559; он же. Сборник статей о китайской литературе, с. 498–501.

делении последнего Чэнь Жухэн колебался между эпохами Сун и Юань¹³.

Все последующие китайские исследователи, писавшие об УДПХ, как правило, в сводных историях китайской литературы или китайской прозы, существенно нового в изучение произведения не внесли. Они в той или иной степени повторяли уже сказанное и лишь подчеркивали отдельные детали, не отмеченные более ранними исследователями¹⁴.

Первая работа, специально посвященная УДПХ, появилась лишь в 1950 г. Это была диссертация американского сиолога Дж. Крамна об особенностях языка памятника¹⁵.

Почти все авторы вслед за Чжэн Чжэнью отмечали, что изложение событий в УДПХ следует в основном официальной истории, но никто не попытался проверить справедливость этого утверждения по источникам. Только в 1960 г. первую попытку такого рода предпринял советский китаевед М. В. Софронов. Он обратил внимание на упоминание У Цзыму «Всеобщего зеркала» как одного из источников повествований для рассказчиков истории и установил, что исторической основой УДПХ является текст «Всеобщего зеркала»¹⁶.

Таковы главные результаты исследований, проведенных в течение шестидесяти лет, прошедших со времени первого издания памятника. Из изложенного видно, что УДПХ, как литературное произведение, имеющее самостоятельное значение в истории китайской литературы, до сих пор изучено недостаточно. Усилия китаеведов сводились в основном к самому общему суждению о произведении и установлению времени его написания.

УДПХ — не единственное произведение, в названии которого входит слово *пинхуа*, по-разному понимаемое (и переводимое) исследователями китайской литературы. Различия в понимании и толковании термина объясняются, на наш взгляд, прежде всего тем, что произведения этого жанра изучены до сих пор мало.

¹³ Чэнь Жухэн. Об истории *шошу*, с. 35–36.

¹⁴ Так, например, Тянь Чжэнби (История развития, с. 277–278) приходит к выводу, что УДПХ появилось позже, чем «Пинхуа о Трех царствах»; Го Чжэнби (История китайской художественной прозы, с. 218–220) обращает внимание на сходство в изложении истории Трех царств в названных выше *пинхуа*; Чжао Цзиньшэнь (Заново переработанная история китайской литературы, с. 186) выделяет в изложении историю династии Хань, поскольку она дает материал для сопоставления с произведениями других жанров, где этот сюжет разрабатывается, — «Чжугундяо о Лю Чжюане» и пьесой «Белый заяц»; «История китайской литературы» (1960, с. 138) отмечает в УДПХ «патриотизм в сопротивлении иноземному господству»; Лю Дацзе указывает на некоторые искажения в изложении истории восстания Хуан Чао (Лю Дацзе. История развития китайской литературы, с. 734).

¹⁵ J. Cramm. Some Problems in the Language. К сожалению, данная работа оказалась нам недоступной.

¹⁶ М. В. Софронов. Об источнике, с. 144–149; «Всеобщее зеркало». Т. 1–10.

Только сравнительно недавно, в 50–60-е годы нашего века, они привлекли внимание специалистов. Исследования таких жанров китайской литературы, как *бяньвэнь* и исторический роман, закономерно вызвали интерес и к *пинхуа* — одному из народных источников исторического романа и связующему звену, позволяющему проследить процесс развития народной литературы от *бяньвэнь* к историческому роману (на что в свое время указал еще Сунь Кайди)¹⁷.

По поводу самого термина *пинхуа* были высказаны различные суждения. Так, Огава Тамаки¹⁸ и Я. Прушек¹⁹ считают, что *пинхуа* — это комментарии к картинам, по которым рассказчики вели повествования. Чжан Чжэнлянь²⁰ и Дж. Крамп²¹ (эту же точку зрения склонен разделить и В. Л. Идема²²) рассматривают *пинхуа* как результат комментирования стихов на исторические темы. С понятием комментария пытаются связать и толкование перевода этого термина как «комментированного повествования». Так поступает, например, Б. Л. Рифтин²³, который опирается здесь, видимо, на мнение Чэн Ичжуна²⁴. М. В. Софронов переводит *пинхуа* как «простое изложение»²⁵. А. Н. Желоховцев предлагает понимать *пинхуа* как «толкование исторических тем», ссылаясь на жанр «толковников» в древнерусской литературе²⁶.

Мы считаем, что точки зрения Чэн Ичжуна, Б. Л. Рифтина и А. Н. Желоховцева отражают (в переводе) лишь отдельные стороны сути термина. Как представляется, *пинхуа* — это прежде всего сюжетный пересказ исторических сочинений или тем в авторской интерпретации с оценкой излагаемых событий; характерной особенностью *пинхуа* является и наличие в них комментария — объяснения автором некоторых имен, чинов и т. д. (как мы увидим ниже, эти черты связывают *пинхуа* как с собственно историческими сочинениями, так и с произведениями простонародной буддийской литературы). Именно так мы понимаем этот жанр и соответственно термин *пинхуа* переводим как «повествование с авторской оценкой» (знак *пин* в значении «взвешивать», «оценивать»).

Основу такому пониманию и толкованию иероглифа *пин* следует искать в китайской историографической традиции. Отчетливо

¹⁷ Сунь Кайди. *Суцзын, шохуа* и рассказы на *байхуа*.

¹⁸ Огава Тамаки. *Бяньвэнь* и исторические повествования, с. 77–80.

¹⁹ J. Průšek. The Origins and Authors of the hua-pan. с. 111–112.

²⁰ Чжан Чжэнлянь. Рассказывание истории и стихи, воспевающие историю.

²¹ J. K. Cramp. Ping-hua and the Early History of the San-kuo chih, с. 249–256.

²² W. L. Idema. Some Remarks, с. 128.

²³ Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 57.

²⁴ Чэн Ичжун. *Хуабэнь* времен Сун и Юань, с. 46.

²⁵ М. В. Софронов. Об источнике, с. 145.

²⁶ А. Н. Желоховцев. *Хуабэнь*, с. 48.

звучащее слово историка, высказывающего свое суждение по поводу излагаемых им событий, его мнение об исторических персонажах мы наблюдаем уже в I в. до н. э. Сыма Цянь вводит свою оценочную формулу: «Господин Великий астролог говорит». Бань Гу в «Истории Ранней династии Хань» употребляет формулу: «Восхваление (*цзюань*) гласит». Позднее авторы исторических сочинений стали выделять в конце глав свое мнение о событиях и лицах словами *лунь* («рассуждение о») и *пин* («оценка»)²⁷. Отметим, что слово *пин* здесь то же, что в термине *пинхуа*. Многовековая традиция китайских историков — оценивать излагаемое с определенных позиций — перешла и в литературу, когда исторические события стали одним из ее сюжетов, а исторические сочинения — одним из источников. Эта традиция сохранилась, естественно, наиболее полно в произведениях на историческую тематику. Критерии, методы и форма оценки трансформировались, но сам факт оценки остался и на определенном этапе становления исторических повествований был, видимо, зафиксирован в термине *пинхуа*. Из *пинхуа* традиция оценки перешла и в китайский исторический роман. Так, в романе «Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий» (*Цань Тан У дай ши яньичжуань*)²⁸ оценки — *пин* — по-прежнему даются отдельно, в конце глав (*цзюаней*)²⁹. Сохраняется это и в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (*Сань го чжи яньи*), где описание смерти того или иного персонажа сопутствует и его оценка³⁰.

На оценку авторами — рассказчиками излагаемых событий указывал еще Ло Е в описании повествований XIII в.: «Для рассказов и рассуждений есть только язык длиною в три *цуня*, а взвешивают и оценивают (*пин*) им глубокое и мелкое в Поднебесной»³¹.

Именно эту сторону повествования подчеркивает в *пинхуа* и Сунь Кайди, давая разбор терминов *суцзын*, *шохуа*, *пинхуа*, *цзюань* и *шошу*: «Если исходить из того, кому предназначены повествования, то это *суцзын* (повествования для престололюдинов. — Л. П.); если исходить из того, что по манере изложения это

²⁷ См.: Ю. Л. Крoль. Сыма Цянь — историк, с. 72.

²⁸ Авторство романа приписывается Ло Гуаньчжуну (см.: Сунь Кайди. Каталог произведений китайской популярной повествовательной прозы, с. 48).

²⁹ Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий. Шанхай, 1929. На титульном листе издания в заглавии перепутан порядок написания иероглифов — *У дай цань Тан яньи-чжуань*.

³⁰ Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Как указывает Б. Л. Рифтин (Метод в средневековой литературе Востока, с. 88), Ло Гуаньчжун переносил оценки в «Троецарствие» прямо из текста «Истории Поздней Хань» Фань Е, дополняя их подобранными им самим стихотворными строками, и первые варианты романа содержали очень много таких прозаических и стихотворных оценок. Впоследствии редактор эпопеи Мао Цзунган сильно сократил эту часть изложения, но окончательно оценки не убрал.

³¹ Ло Е. Записи бесед охмелевшего старца, с. 3.

сюжетный рассказ, то это *шохуа* (рассказ сюжета. — Л. Ш.); если исходить из того, что здесь поются или скандируются *цы*, то это *цыхуа* (рассказ со стихами *цы*. — Л. Ш.); если исходить из оценки (*пинлунь*) излагаемых событий прошлого и настоящего, то это *пинхуа* (повествования с авторской оценкой. — Л. Ш.); если исходить из того, что основой авторского изложения являются книги и исторические сочинения, то это *шошу* (рассказы по книгам. — Л. Ш.) — названия разные, а суть одна»³².

Разумеется, не только в произведениях, известных под названием *пинхуа*, содержится элемент авторской оценки. Авторское понимание излагаемого и соответственно отношение к нему присутствует и в произведениях жанров, обозначаемых другими терминами. Но, с другой стороны, и в *пинхуа* содержатся все те элементы, которые подчеркнуты в названных выше терминах. *Пинхуа* — это и *суцзян*, так как это произведения, предназначенные для простого народа; это и *шошу* — рассказ по историческому сочинению; это и *шохуа* — сюжетный рассказ; это и *цыхуа* — повествование со стихами.

Термин *пинхуа* стал известен по текстам исторических повествований, датированных исследователями XII—XIV вв. Называемый в источниках XII—XIII вв. для определения одной из школ сунских повествований термин *цзян ши* (этим же термином называли и рассказчиков повествований на исторические сюжеты), на наш взгляд, выделял из категории *шошу* повествования, основанные на пересказывании исторических книг. Отсюда и второй, уточненный вариант термина — *цзян ши шу* (рассказы по историческим книгам), употреблявшийся в то же время. Видимо, так обозначались и сами повествования в устном изложении. Рассказчики составляли для себя более или менее подробные записи рассказов, которые позднее, в какой-то мере обработанные и отредактированные, и дошли до нас. Эти обработки были адресованы уже не слушателям, а читателям, поэтому и термины *цзян ши* и *цзян ши шу*, в которых слово *цзян* акцентировало устное исполнение, потеряли свое значение. Их в письменных текстах исторических повествований, ставших фактом литературы письменной, сменил термин *пинхуа*.

Хотя чисто внешне термин *пинхуа* представляется простой модификацией *шохуа*, в нем, по нашему мнению, отражены две тенденции, синтезировавшиеся в произведениях *пинхуа*. Слово *хуа*, свидетельствуя еще об устных истоках повествования, говорит уже о том, что история (*ши*) и историческая книга (*ши шу*) превратились здесь в *хуа*, равное *гуши* — сюжету повествования. Первое же слово *пин*, определяющее *хуа*, указывает на письменное бытование произведения; генетически оно восходит к исторической традиции и переносит акцент с устного пересказа (*шо*

³² Сунь Кайди. *Суцзян*, с. 34.

и *цзян*) на критически осмысленное изложение источника повествования, творчески воспринятого автором³³.

Появление термина *пинхуа* совпадает со временем нашествия на Китай северных племен чжурчженей (а позднее и монголов). Мы считаем возможным предположить, что в такой трудный период истории стремление к оценке прошлого — «глубокого и мелкого в Поднебесной» — занимало значительное место в идеологии общества, и поэтому именно термин *пинхуа* закрепился за произведениями, где это прошлое соответственным образом изображалось и оценивалось. Позднее, в мисское время (1368—1644), значение термина *пинхуа* стало более широким, им начали обозначать произведения бытового и авантюрного содержания. Поскольку исторические повествования были в основе своей прозаическими, то термином *пинхуа* впоследствии стали называть вообще произведения прозаические в отличие от песенно-повествовательных. Это второе значение термина сохранилось за *пинхуа* поныне, и «народные рассказчики-профессионалы до сих пор употребляют его в значении прозаического сказа»³⁴.

Исследователи по-разному оценивают природу *пинхуа*, исходя главным образом из их функциональной значимости — рукописи сказителей, либретто сказителей. Ближе других авторов, по нашему мнению, к пониманию сущности *пинхуа* подошел Б. Л. Рифтин, соотнес их с «народными книгами»³⁵, ибо он выделил сферу бытования произведения и его функцию — материала для чтения. Однако определения *пинхуа* как литературного жанра в Китае до сих пор нет. Поэтому, сознавая условность любого сопоставления, мы все-таки считаем возможным предложить для

³³ А. Н. Желозовцев (Хуабэнь, с. 49) считает, что противопоставление устного и письменного бытования исторических повествований отражено в парности терминов *шошу* и *пинхуа*. Мы согласны с тем, что устное и письменное бытование произведений нашло отражение в разной терминологии, но не можем согласиться с чисто хронологической классификацией, которую предлагает А. Н. Желозовцев (для сунского времени — пара *шохуа* и *хуабэнь*, для юаньского — *шошу* и *пинхуа*).

³⁴ Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 58.

³⁵ Соотнося *пинхуа* с «народной книгой», Б. Л. Рифтин (Историческая эпопея, с. 59) называет четыре основных признака народной книги: название (народный читатель), организация сюжета (преобладание напыливания эпизодов), роль в развитии литературного процесса (образ романа) и оформление (большое количество иллюстраций). Нам представляется, что один из этих признаков — организация сюжета с преобладанием напыливания эпизодов — присущ не только *пинхуа*, но и китайскому роману («Неофициальная история конфуцианства», «Цветы в зеркале», например) и европейскому — рыцарскому и плутовскому; что же касается большого количества иллюстраций, то в УДПХ их нет совсем, в то время как романы (например, *Цзиль-Пин-Мэй*) и другие произведения (например, *Гу ле нюй чжуань*) издавались с большим количеством иллюстраций, причем последнее было иллюстрировано точно так же, как «Пять полностью иллюстрированных *пинхуа*», называемые Б. Л. Рифтиным (см.: W. L. Idema. Some Remarks, с. 144), поэтому утверждение о том, что *пинхуа* — «народная книга», кажется пока недостаточно убедительным.

жанра *пинхуа* другое название — народный исторический роман, следуя отчасти в данном случае установившейся в советском литературоведении традиции определения жанра *хуабэнь* как народной (городской) повести или народного рассказа, жанров *яньи*, *чжюань*, *цзи* — как романа (исторический, фантастический романы).

Во-первых, как правильно заметил Лу Синь, *пинхуа* — это произведения, рассчитанные на чтение про себя, а не вслух для слушателей³⁶.

Во-вторых, обращает на себя внимание объем и композиция *пинхуа*: это произведения крупной формы со сложным многоплановым сюжетом, развивающимся вокруг главных героев повествования и организованным по принципу нанизывания эпизодов. Это не роман в современном понимании, однако *пинхуа* близки к тому, что в европейском литературоведении принято называть рыцарским романом и плутовским.

По тематике это исторический роман, по сфере бытования — народный. Предназначенный для простонародья, главным образом, видимо, для грамотных горожан, народный роман, как и народная повесть, несет в себе элемент народного отношения к историческим событиям и лицам и их оценки, достаточно часто отличные от официальных, т. е. элемент народного мировоззрения, поэтому идейный аспект из понятия «народный» полностью не может быть исключен.

До наших дней дошли следующие девять *пинхуа*³⁷, хронологически охватывающие историю Китая от древнейших времен (XII в. до н. э.) до правления династии Северная Сун (XII в. н. э.).

1. «*Пинхуа* о том, как У-ван пошел походом на Чжоу[-синя]» (*У-ван фа Чжоу пинхуа*). Здесь рассказывается история падения династии Инь—Шан (XII в. до н. э.) (далее — УВПХ).

2. «*Пинхуа* о веснах и осенях семи царств» (*Ци го чунь цю пинхуа*) повествует о периоде раздробленности Китая в VII—III вв. до н. э. и междоусобных войнах, в результате которых возвысилось царство Цинь. После названия произведения идет подзаголовок: *хоу цзи* (последний сборник) — «Юе И замышляет против [царства] Ци» (*Юе И ту Ци*). Такая расшифровка общего названия говорит о том, что до нас дошла только заключительная часть *пинхуа* — о походе Юе И на Ци. Более ранние события были, по-видимому, изложены в первом сборнике, до нас не дошедшем (далее — ЦГПХ).

3. Об объединении царством Цинь страны (III в. до н. э.) рассказывается в «*Пинхуа* о том, как [царство] Цинь присоединило шесть царств» (*Цинь бин лю го пинхуа*), которое имеет под-

³⁶ Лу Синь. Краткая история, с. 134.

³⁷ Как указывает каталог *Си ку цюаньшу цзунму* (ча. 54, л. 1), в энциклопедии *Юн-лэ дайянь* (до наших дней эта часть энциклопедии не дошла) имелся специальный раздел *пинхуа*, куда входили произведения на историческую тематику, исполнявшиеся рассказчиками.

заголовок: «Жизнеописание первого циньского императора» (*Цинь-ши-хуан борьвань*; далее — ЦБПХ).

4. История борьбы за власть в первые годы правления династии Хань (III—II вв. до н. э.) рассказывается в «*Пинхуа* по истории Ранней Хань» (*Цянь Хань шу пинхуа*). Здесь тоже имеется подзаголовок: *сюй цзи* — сборник второй — «Люй-хоу казнят Хань Синя» (*Люй-хоу чжань Хань Синь*). Вероятно, период гибели династии Цинь и прихода к власти первого ханьского императора Гао-цзу (Лю Бана) излагался в несохранившемся первом сборнике (далее — ЦХПХ).

5. Гибели династии Хань и периоду разделения Китая на три царства (II—III вв.) посвящено «*Пинхуа* по истории трех царств» (*Саньго чжи пинхуа*; далее — СГПХ).

6. О походе танского полководца Сюе Жэньгуя против Когурё (VII в.) рассказано в «Описании деяний Сюе Жэньгуя, ходившего походом на Ляо» (*Сюе Жэньгуй чжэн Ляо шилюе*).

7. В «Девяти увещеваниях Лян-гуна» (*Лян-гун цзю цзянь*) рассказывается о том, как именитый сановник девять раз обращался к императрице У-хоу (684—705), убеждая ее вернуть трон законному наследнику.

8. Восстанию Хуан Чао и истории становления и гибели Пяти династий (IX—X вв.) посвящено «Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий» — объект настоящего исследования.

9. Во «Вновь напечатанных забытых событиях годов Сюань-хэ Великой Сун» (*Синь кань Да Сун сюань-хэ и ши*) изложены такие события последних лет правления северосунского императора Хуэй-цзуна (20-е годы XII в.), не отмеченные в династийных историях, как восстание Сун Цзяна и история Ли Шиши (далее — «Забытые события»).

Как видно из большинства названий, в которых обозначена сама тема повествований, в *пинхуа* пересказывается не просто история «от и до», а ее этапные, наиболее острые периоды — периоды гибели одних династий и борьбы за установление власти других. Очевидно, сунские авторы отбирали такой материал не только ради возможности эффектно и динамично изложить сюжет. Авторское изложение событий прошлого вызывало ассоциации с событиями драматического настоящего, и, таким образом, их можно было подспудно сопоставлять и оценивать. Недаром исторические повествования были столь популярны после чжурчжэньского завоевания Северного Китая и перенесения столицы сунского Китая на юг, что их слушали горожане и крестьяне на рынках и площадях городов, им внимали в домах сановной знати и даже во дворце самого императора³⁸.

Примечательно, что начиная с конца XIV в., когда в Китае установилось правление династии Мин, большинство перечислен-

³⁸ У Цзыму. Записи, с. 313.

ных *пинхуа* послужили основой для исторических романов. В этих романах, написанных литераторами, был сделан следующий, весьма решительный шаг в отходе от исторического источника повествования. Если в *пинхуа* изложение исторических событий сохраняет еще достаточно тесную связь с источником (в разных *пинхуа*, однако, степень этой связи различна), то уже весьма четко выявляется тенденция превращения факта исторического в факт литературный, то в историческом романе реальные исторические события стали уже только костяком, на котором выросло и развивалось сложное сюжетное повествование исторической эпопей.

Соответствия между *пинхуа* и историческими романами следующие (номера *пинхуа* соотносятся с перечисленными выше):

1. УВПХ	Роман Сюй Чжулиня «Возведение в ранг духов» (<i>Фэн шэнь янь</i> , XVI в.)
2. ЦГПХ	Роман Юй Шаоюя «Уделы Восточного Чжоу» (<i>Дун Чжоу лею чжи</i> , XVI в.)
3. ЦБПХ; 5. СГПХ	Роман Лю Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.)
6. О походе Сюе Жэньгуя	Роман «Сюе Жэньгуй идет походом на восток» (<i>Сюе Жэньгуй чжэн дун</i> , XVI в.)
7. «Пинхуа о Пяти династиях»	Роман «Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий» и роман Сюн Даму «Повествование по истории Южной Сун» (<i>Нань сун чжи чжуань</i> , ок. 1561 г.)
9. «Забывшие события годов Сюань-хэ»	Роман Ши Найяня «Речные заводи» (<i>Шуйху чжуань</i> , XIV в.)

Хотя произведения, отмеченные нами в перечне сохранившихся *пинхуа* под № 6, 7 и 9, не имеют в своих заглавиях слова *пинхуа*, исследователи относят их к этому жанру, исходя из их исторической тематики³⁹, формы и манеры повествования⁴⁰.

³⁹ «Описание деяний Сюе Жэньгуя» и «Девять увещаний Лян-гуна» представляют, на наш взгляд, ту подгруппу исторических повествований, в которых рассказывалось о жизни замечательных государственных деятелей и полководцев, о сражениях и войнах.

⁴⁰ Необходимо отметить, что библиографы по-разному рассматривали «Забывшие события» и, выделяя в произведении, видимо, то историчность, то повествовательность, относили его в разные разделы каталогов (см.: Б. Л. Рифтин и. Организация повествования в народных книгах (*пинхуа*), с. 112—120). В современных книжных собраниях, таких, как *Сы бу бай яо*, т. 122, и *Цуншу цзичэн*, т. 3889, «Забывшие события» включены в число неофициальных исторических сочинений. Почему именно это произведение нашло место в разделе истории? Б. Л. Рифтин (Историческая эпопея, с. 60) считает, что «„Забывшие деяния“ представляют собою переходное явление от неофициального исторического сочинения к народной книге». Нам представляется, что «Забывшие события» — это *пинхуа*, но из-за включенных в него интересных и важных материалов, обойденных официальной историей, оно может рассматриваться и как неофициальный исторический источник, дополняющий историю, а не только черпающий (как другие *пинхуа*) из нее.

«*Шихуа* о том, как [наставник по] Трипитаке при Великой Тан добыл сутры» посвящено поездке прославленного деятеля китайского буддизма и путешественника Сюань-цзаюа (602—664), получившего титул «наставник по Трипитаке», часто заменявший его имя, в Индию за книгами буддийского канона (Трипитаки). Содержание этого произведения историко-фантастическое. Историчность тематики (герой — реальное историческое лицо, его поездка в Индию, возвращение оттуда с сутрами и т. д. — общеизвестные исторические факты) дает возможность упоминать это произведение если не в числе *пинхуа*, то рядом с ними. Однако обозначение произведения как *шихуа*, где акцентирована более активная функция стихов в повествовании, и большой вес фантастического элемента в изложении событий заставляют называть его отдельно. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с явлением, возникшим на стыке истории и фантастики, а поэтому особенно интересным, требующим специального исследования каждого из этих аспектов и их взаимодействия в повествовании. По-видимому, в этом случае происходит отпочкование от исторических повествований произведений, в которых реальные исторические факты и события излагаются в легендарном освещении и приобретают фантастический характер. Превалировавший прежде исторический элемент здесь начинает играть второстепенную роль, и произведение, историческое в своей основе, становится фантастическим⁴¹.

Близкую этому явлению картину можно наблюдать и на примере китайской классической драмы (до периода Юань включительно). Историческая в своей основе, она подразделилась на историческую, фантастическую и бытовую. В исторической драме, преобладающей как по числу произведений (более двух третей), так и по значимости⁴², нашли, как и в *пинхуа*, отражение все узловые этапы китайской истории — от падения династии Инь — Шан до правления династии Сун включительно. От исторической драмы, в основе сюжетов которой лежали подлинно исторические факты и события и где прототипами действующих лиц были реальные исторические деятели, отделилась фантастическая и бытовая драма. В этих последних история из сюжета превратилась всего лишь в фон. Сохранилась внешняя, формальная «историчность» произведений — события датированы, указывается место действия, сюжет привязывается к конкретному историческому событию, но на этом фоне действуют вымышленные персонажи, изображаются частная жизнь и быт различных слоев китайского

⁴¹ Как *пинхуа* явились народным источником будущих китайских исторических романов, так и «*Шихуа* о том, как [наставник по] Трипитаке при Великой Тан добыл сутры» — народный источник фантастического романа У Чэньзяня «Путешествие на запад» (*Си ю цзи*, XVI в.).

⁴² Исторический роман тоже занимает главенствующее положение в ряду китайских романов.

общества, развиваются темы, заимствованные из легенд и преданий⁴³. Но если идеологическая основа исторических романов стала по сравнению с *пинхуа* более ортодоксальной, сближающейся с позицией официальной истории, то историческая драма осталась по своей идейной сущности близкой к народному пониманию истории, зафиксированному в *пинхуа*⁴⁴.

Из перечисленных выше *пинхуа* первые пять объединяются в одну серию (*цуншу*) и известны под названием «Пять *пинхуа* с полным набором иллюстраций» (*Цюань сянь пинхуа у чжун*). Они были найдены японским синологом Сионоу Он в 20-х годах нашего века в библиотеке японского кабинета министров. Вся эта серия дошла до нас в издании, выполненном семьей печатников Юй в годы Чжи-чжи (1321–1323) в городе Цзяньань (пров. Фуцзянь). Издание иллюстрировано гравюрами, которые занимают в верхней части каждого листа одну треть и соответствуют содержанию излагаемого текста.

Примечательно, что в семи (из девяти) *пинхуа* названию предшествует слово *синь* «новый», говорящее о том, что мы имеем дело не с первыми изданиями или даже литературными обработками первоначального текста этих произведений. О том, что «Пять *пинхуа*» печатались впервые, убедительно говорят слова *Цзяньань Юй ши синь кань* — «Заново отпечатанные семьей Юй из Цзяньани», стоящие перед названием каждого *пинхуа* этой серии. Существовали, несомненно, более ранние издания этих произведений, выполненные, возможно, другими издателями и в других местах. Та же помета «заново отпечатанные» стоит перед названием «Забытых событий». Названию УДПХ предшествуют слова *синь бянь* «заново составленное». Несомненно, до нас дошли не самые ранние воспроизведения *пинхуа*, поэтому точка зрения некоторых авторов, считающих их юаньскими произведениями на основании времени издания, представляется недостаточно убедительной⁴⁵.

Сочетание письменной и народной (устной) традиций — одна из особенностей *пинхуа*. На протяжении многовековой истории Китая эволюция исторических сюжетов имела две тенденции развития — через письменную литературу и через народную, преимущественно устную. Оба эти направления непрерывно взаимодействовали и наконец в творчестве народных авторов — рассказчиков истории слились в *пинхуа*. Прежде всего это сказалось в композиции произведений — внешне они выдержаны в стиле произведений простонародной литературы: обязательные

стихи — эпиграф, введение, изложение темы и заключительные стихи⁴⁶. Внутренняя структура *пинхуа* — дань письменной, исторической традиции. Изложение ведется в хронологии излагаемых событий. Прозаическое повествование перемежается стихами. Количество их различно, но задача одна — украсить изложение, поэтически акцентировать или развить сказанное прозой, а иногда и дать поэтическую, эмоциональную оценку излагаемых событий.

Степень взаимодействия письменной и народной традиций в произведениях жанра *пинхуа* неодинакова. В некоторых преобладает народное начало. По-видимому, здесь играют роль и характер излагаемого материала — легендарный, псевдоисторический для *пинхуа* о ранних периодах истории Китая, — и удаленность событий от времени, когда создавались *пинхуа*, а следовательно, более широкий круг фольклорных источников повествования, и профессиональный уровень авторов, и их творческие принципы.

Изданные вместе «Пять *пинхуа*» отличаются большим единством. По манере изложения, языку, общему стилю повествования они просты и безыскусны, недаром Чжэн Чжэньдо отмечал: «Автор у них не один, но по безыскусности стиля все пять книг — как одна»⁴⁷. Некоторые из них насыщены легендами и преданиями, описаниями сражений, перебранок и схваток военачальников. Сюжет строится в основном по принципу простого панизывания фактов⁴⁸. Некоторое движение сюжета на разных этапах повествования дают знамения, предсказания, вещие сны, обильно включенные в авторское изложение. Отдельные стихотворения по несколько раз повторяются в одном и том же произведении; одни и те же стихи или их модификации встречаются в разных *пинхуа*⁴⁹. Бросается в глаза подчеркнутая (для письменного произведения) сказительская манера повествования — изложение непрерывно (иногда по несколько раз на странице) перебивается вопросами автора-рассказчика, например: «А что это был за человек?», «А что там было написано?», «О чем были эти стихи?», «Как думаете, он победил или потерпел поражение?» и т. д. Во всех пяти *пинхуа* сохраняется внешняя историчность — повествование ведется в хронологической форме и иногда

⁴⁶ В «*Пинхуа* по истории Ранней Хань» заключительные стихи отсутствуют. Это, впрочем, не значит, что в первоначальной редакции, предназначенной для устного исполнения, а не для печати, этих стихов не было.

⁴⁷ Чжэн Чжэньдо. Иллюстрированная история, с. 701.

⁴⁸ Исключение представляет «*Пинхуа* о Трех царствах», в котором изложение является развитием темы небесного предопределения, заложенной во вступлении к повествованию. Из-за того, что ханьский Гао-цзу несправедливо обвинял и казнил трех преданных слуг и сподвижников, небесный владыка выносит решение о разделе в будущем ханьской империи между тремя обиженными сановниками, которые должны будут возродиться в обликах правителей трех царств: Цао Цао, Лю Бя и Сунь Цюаня. Однако в построении самого повествования этот принцип поддерживается.

⁴⁹ В ПБПХ одни и те же стихотворные строки повторяются на с. 31, 48, 62 и 71, эти же строки встречаются, например, в ЦГПХ, с. 7 и в УДПХ, с. 192.

⁴³ Л. Н. Меньшиков. Реформа китайской классической драмы, с. 39–44, 89, 137.

⁴⁴ *Пинхуа* и роман являются источником сюжетов для подавляющего большинства произведений китайской исторической драмы (см.: Л. Н. Меньшиков. Реформа, с. 40–43).

⁴⁵ См., например: А. Н. Желховцев. Хуабань, с. 47, 49.

Пинхуа — народный исторический роман

даются ссылки на исторические сочинения, хотя зависимость от исторических источников не всегда прямая. Ближе других к своим историческим источникам ЦБПХ, ЦХПХ и СГПХ. В них, как и в УДПХ, преобладает летописная традиция. Однако независимо от того, какая традиция — народная или историческая — превалирует в том или ином *пинхуа* (а каждое *пинхуа* имеет и другие специфические особенности), всех их объединяет то, что в них подчас дается отличное от официального истолкование фактов и событий истории, на основании чего исследователи ставят вопрос об элементах в них народного мировоззрения.

Пинхуа, в которых синтезировалась классическая историография и народная литература, — благодарный материал для изучения взаимодействия и взаимовлияния этих двух компонентов произведений народных рассказчиков исторической тематики. Наиболее интересным в этом плане как памятник художественной литературы является, на наш взгляд, УДПХ, в котором связь с историческим источником настолько тесна, что позволяет достаточно четко проследить начальные этапы процесса трансформации материала исторического сочинения в произведении повествовательном. Исследование того, как этот процесс в разных аспектах проявляется в УДПХ, является темой настоящей работы.

SUMMARY

Newly Compiled *P'ing-hua on the History of Five Dynasties* (*Hsin pien wu tai shih p'ing-hua* further on referred to as *Wu tai p'ing-hua*) is the Russian version of one of the most significant pieces of the Chinese folk literature with comments. The translation appears for the first time. *Wu tai p'ing-hua* has not been translated into any other languages or ever commented upon. It was found in Hanchou in 1901 and published, for the first time, in 1911. This work has not been studied properly during the past 70 years. The efforts of Sinologists boiled down, mainly, to forming a general judgement of it and establishing the date of its writing. *Wu tai p'ing-hua* has never been studied as a literary piece with its special place in the history of the Chinese literature. Therefore, the introduction to the present translation attempts to fill up this gap. The introduction characterises the *p'ing-hua* in question, quoting the views and judgements by the Chinese and European scholars. Despite the existing definitions of the *p'ing-hua* genre, a new one "historical folk novel" is suggested. Account is taken of the sphere of its dissemination, its ideological aspect, function, size, composition and its themes.

The term *p'ing-hua* is translated as "a narration with (the author's) appraisal". In the genre system of the Chinese folk literature *p'ing-hua* are defined as the first written presages of the Chinese historical novel and one of its folk sources.

Being a result of assimilation of the Chinese classical historiography by folk literature, the works of the *p'ing-hua* genre present an interesting material for the study of processes of interaction and mutual influence of these two components on a new level in subject story-telling based on creativity of folk story-tellers engaged in historical themes.

Wu tai p'ing-hua is particularly interesting for its distinct connection with historical sources, which makes it possible to trace the initial stages of transformation of the materials of history into written literary composition.

The principle method of investigation is the textological one, namely comparing the *p'ing-hua* texts with history. Total collation of texts revealed the historical sources of *Wu tai p'ing-hua*. According to the material borrowed from them, we find Ssuma Kuang's summary history *A Universal Mirror Helping in Government* (*Tzu chin t'ung chien* further referred to as *Tzu chin* – about 90 per cent of borrowings) to be the main source and *The Old History of Five Dy-*

nasties (*Chiu wu tai shih*) by Hsüeh Chücheng and *A New History of Five Dynasties* (*Hsin wu tai-shih*) by Ouyang Hsiu (about 10 per cent of borrowings) to be the secondary sources.

The author of *p'ing-hua* uses these texts without making any reservations. Most probably, *Wu tai p'ing-hua* should be interpreted broader as a sample of *chiang shih shu* – "narration of history books" and, in particular, as one of the samples of *Tzu chin* narration.

Wu tai p'ing-hua includes four basic methods of utilization of texts from historical sources:

(1) literal quoting of the text (with possible minor abbreviation by means of omitting names, positions, titles, and dating by days, etc.),

(2) abbreviated, conspectus-like utilization of a text, most popular in *p'ing-hua*,

(3) a combination of texts of several chronicles supplementing the data of the main source with information from the *Old* and *New* histories of Five Dynasties,

(4) a text with the author's additions and interpretations (using folklore).

Applying these methods, the author selects the required facts, how thoroughly they should be presented, arranges them in his own way, intervenes in the course of events described, and gives them his own interpretation, often departing from the facts of history. However, these digressions in *Wu tai p'ing-hua* mainly concern the secondary characters of the narration.

Identification of the main historical source and comparison of the *p'ing-hua* text with the critical *Tzu chin* publication (Peking, 1956, Vol. 1 = 10) made it possible to single out two Sun editions of *Tzu chin* on which the narration could be based (see "A Table of Divergences between *Tzu chin* and *Wu tai p'ing-hua*" in Appendix). In its turn, the *Tzu chin* editions made it possible to date back the *p'ing-hua* in question with sufficient accuracy to the 60s-70s of the 13th century. Additional analysis of this inference by means of the data of the Chinese historical grammar does not contradict the above-mentioned dating of *Wu tai p'ing-hua*. Besides, the identification of the main historical source made it possible to reconstruct part of the *Wu tai p'ing-hua* text.

Official documents in the *p'ing-hua* text are put under special analysis (about 70 of them). According to the degree of concurrence of the texts of the *p'ing-hua* documents with their historical sources, the texts are divided into identical and non-identical (with additional sub-groups in each group). The second group includes also non-authentic documents. The bulk of documents are classified as non-identical and non-authentic. It turns out that the author compiles and produces the texts of the documents himself, i.e. there are verisimilar inventions in them as well.

The composition includes two layers of narration: the author's thematic treatment, being a presentation of the theme "from beginning to end" (epoch – dynasty – personage, a sort of *chien shih pen mo*), and the annalistic one (chronological framework borrowed from history).

Summary

Outwardly, the composition follows the canonical pattern of oral narrations of the early works on Buddhist themes. However, the functions and role of prosaic introductions in *Wu tai p'ing-hua* are broader. Outside the framework of historical events the author introduces a plot which makes the theme dynamic. The plot gives initial impulse to the development of a theme, borrowed from history. Thus presentation of history becomes the result of an original cause formulated by the author of *p'ing-hua* in the introduction. The plot becomes one of the most important creative devices of the author in producing a historical subject narration of *p'ing-hua*, a piece with a single ideological and compositional structure. It has a starting point and a termination, and shows the destinies of personages in development (external, on a narrow plane, and given in time).

The analysis of the work under review revealed a method playing an active role in the transformation of a historical fact into a fact of fiction, the "method of concentration" used in the narration in three aspects: concentration of time, space and *dramatis personae*. This method narrows the circle of personages in *p'ing-hua*, makes the theme and the main lines of narration more direct and dynamic and, what is most important, generalises to a certain extent historical facts and events. These facts and events lose part of their historical (temporal, local, personal) concreteness.

Attention is paid to the role and place of time in the structure of the narration as well as to elements of the art of storytelling.

The time factor in *Wu tai p'ing-hua* retains its positions in organising the process of narration as such. It is denoted according to the *Tzi chin* chronological scale. However, the strictness of chronology and its narrow plane are broken; the chronological scale of the work is shifted now forward now backward. At times, the author uses these shifts to express his attitude to events and personages.

Historical time in *Wu tai p'ing-hua* combines with the narrative one.

A number of historical facts and themes are given specific interpretation by the author. Noteworthy, for instance, are the accentuation and presentation of such themes as defence of homeland against foreign invaders, loyalty to it and performance of duty, which have a special ring. The work was written at the time of the conquest of China first by the Churchens and then by the Mongols. Evidently by presenting and estimating events of the past, the author expressed his view on China of his time. One example of it is how he deals with the traitor Chao Techün, thinking up, contrary to the facts of history, a terrible execution for him.

Important also is the theme of a sovereign. This theme is treated in accordance with popular ideals of a happy life: the sovereign takes to heart the needs and well-being of his subjects, the officials do not rob the people, taxes are reasonable. The hopes of the people for a better life are associated with the Confucian

Summary

ideal of a wise sovereign, whose humane government guarantees them a replete and quiet life in happy labour.

Being child of his time, the author of *Wu tai p'ing-hua* adheres, in general, to Confucian conceptions, however he expressed them in his own way, and introduced in their presentation popular comprehension and estimation. As a result the work demonstrates a definite adaptation of contents and ideology of historical facts taken from chronicles.

The investigation is supplemented with a gazetteer, indexes of personal names, titles and ranks and bibliography.

**ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА
ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ**

(Синь бянь у-дай ши пинхуа)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технические редакторы *Г. А. Никитина, Е. А. Прошина*
Корректор *Л. Н. Дегтярева*
ИБ № 44991

Сдано в набор 26.01.84. Подписано к печати 17.08.84
Формат 60×90^{1/8}. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. п. л. 28,0. Усл. кр.-отт. 29,0. Уч.-изд. л. 30,05
Тираж 7800 экз. Изд. № 4990. Зап. № 3646. Цена 4 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

2-я типография изд-ва «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6